

К. Кёниг

Что такое лечебная педагогика?

I. Введение

Еще несколько лет тому назад, когда я пытался развить идеи относительно истории лечебной педагогики, я осознавал сложность подобного намерения. Даже сам процесс подборки исторического материала наткнулся на непредвиденные препятствия; чем интенсивнее проводился поиск исторических событий и фактов, тем сильнее выступали основополагающие вопросы, которые прежде едва ли осознавались. Что такое лечебная педагогика вообще? В чем можно видеть начало лечебно-педагогического движения?

Ответить на эти вопросы нелегко, поскольку приняв во внимание только исторические события в области специального или лечебного воспитания, достаточного объяснения мы не получим. Например, в Англии и Америке выражений "лечебная педагогика" ("Heilpädagogik") или "попечительское образование" ("Curative Education") вообще не существует. Несмотря на то, что на Западе лечебно-педагогическое движение повсеместно получило развитие уже лет 30 назад, сам термин лечебного воспитания здесь известен не так хорошо. Имеется "Child- Guidance"- течение, ставящее своей целью заботу о психологическом здоровье детей, но это движение вряд ли можно назвать лечебной педагогикой. Не содержат названий, обнаруживающих связь с лечебным воспитанием, и ведущие учебники и журналы. Так, например, один ведущий американский журнал называется "American Journal of Mental Deficiency", что в переводе означает что-то вроде "Американского журнала слабоумия". А ведущий английский учебник Тредгольда просто носит название: "Mental Deficiency" ("Душевное слабоумие").

В Германии выражение "Лечебная педагогика" появилось в конце XIX столетия, но где оно было упомянуто впервые, мне установить не удалось. Оно появилось в педагогической литературе и стало с тех пор обозначать специальное воспитание детей, не имеющих возможности посещать нормальную школу. И только с началом этого столетия "вспомогательное школьное воспитание" пробило себе путь и завоевало признание во всем мире. К 1925 году только в Германии существовало 1500 самостоятельных вспомогательных школ, в которых практиковалась лечебная педагогика.

Но ответу на вопрос: "Что такое лечебная педагогика?" все это ни в малейшей степени не способствует. Хотя лечебно-педагогическое движение и обнаруживает себя с появлением вспомогательных школ, само оно ими никак не ограничивается, поскольку одновременно, наряду со вспомогательными школами, существуют и другие ветви социального обеспечения, также принадлежащие к области лечебной

педагогики. Таким образом, появляется целое движение под названием "Попечительское воспитание" ("Fürsorge- Erziehung"), целью которого становится помощь детям и подросткам.

Но корни этого "попечительского воспитания" ведут к более ранним попыткам помощи детям, находящимся в бедственном положении, и предупреждению многих вытекающих отсюда неблагоприятных последствий. Крупные благотворительные организации, появившиеся в период, начиная с середины XIX века, ставили себе задачей воспитание беспризорников, предоставление приюта сиротам, защиту маленьких детей от преждевременного привлечения в качестве рабочей силы, открытие яслей и детских садов, "отсрочку" школьного возраста и многое другое.

Сюда же можно отнести возникновение педиатрии как особого раздела терапии (inneren Medizin). Этот процесс, подготовка к которому шла в продолжении всего XIX столетия, привел к тому, что в 1896 году в берлинском университете появилась кафедра педиатрии. Следующими отправными точками этого процесса являются введение государственного образования для акушерок и сестер по уходу за грудными детьми, особое внимание к вопросам младенческой смертности и выступление Земмельвайс (1818- 1865), "спасительницы матерей". Получается, что в продолжении XIX столетия во всех цивилизованных западно- и центрально-европейских государствах осуществляется процесс, который можно обозначить как "пробуждение внимания к ребенку". Индустриализация и сопровождающее ее бедственное положение среднего класса, появление пролетариата и чудовищное обнищание крупных слоев населения привели к необходимости проявления внимания к нуждам детей.

В этом всеобщем процессе "пробуждения внимания к ребенку" особое место занимает лечебная педагогика. Попробуем теперь охарактеризовать, в чем заключается эта особенность.

II. Что такое лечебная педагогика?

Когда в 1887- ом году профессор Г. Эмингхауз опубликовал свою книгу "Психические нарушения детского возраста", то в главе "История детских психозов" он мог опираться лишь на очень немногие работы, посвященные детским психическим болезням. Существовали отдельные публикации, посвященные детской психологии, кретинизму, эпилепсии и ее отношению к детскому слабоумию. Все эти работы были направлены в основном на классификацию психических нарушений в детском возрасте; но самым существенным являлось то, что все эти попытки (предпринятые в период около 1830 года) обращали внимание на ребенка и аномалии детского возраста. Г. Моудсли в своей книге "Психология и патология сознания", появившейся в 1867 году и в 1870 году переведенной на немецкий, вводит следующие разделы детского

слабоумия и аномалий душевных состояний:

1. Мономания или частичное помешательство в представлении;
2. Хореевидный делирий;
3. Каталептическое помешательство, особо проявляющееся у маленьких детей;
4. Эпилептическое помешательство.
5. Мания;
6. Меланхолия;
7. Аффективное или моральное помешательство.

Я привожу эту классификацию не потому, что она кажется мне существенной, а лишь для того, чтобы показать, что уже тогда имелось достаточное количество наблюдений, позволяющих создать подобные классификации.

Как раз незадолго до появления этой книги английский врач Лэнгдон Даун опубликовал небольшую статью "Обозрение этической классификации идиотов", в которой он попытался сгруппировать различные формы идиотии и имбецильности по расовым признакам. Здесь впервые приводится описание монголизма, откуда это название и получило распространение.

В книге Эммингхауза для нашего рассмотрения важен следующий абзац: "В начале 50-ых годов в парижской больнице Бисетр [Bicetre] было создано особое отделение для душевнобольных детей (и молодых людей). Ведущим врачом там был Польмье, который заслужил признание благодаря сбору статистических данных о частоте детских психозов и опыту клинического лечения детей и молодых людей, страдающих манией".

Таким образом, там было создано специальное отделение для детей с психическими нарушениями; правда, результатом явились статистические и психиатрические исследования.

Но в той же больнице Бисетр, с ее славной историей, в то же время работал врач, которого, вероятно, можно назвать основателем лечебной педагогики. Уже тогда, в 1843 году, Сегуин опубликовал свой двухтомный труд "Моральное воспитание, гигиена и образование идиотов", в котором он изложил опыт, накопленный за предыдущие 15 лет. Одновременно с выходом книги в больнице открылось отделение для детей с психическими нарушениями, созданное его учителем И. М. Итардом.

Итард был, собственно, отологом, и являлся автором первого учебного пособия по

отиатрии "Лечение слуха у детей". В 1798 году, когда он занимался воспитанием глухих детей, к нему привели "дикаря из Аверона" - беспризорного ребенка, которого охотники департамента Аверон в южной Франции нашли в лесу. *Итард взял этого ребенка к себе и с любовью и энтузиазмом попытался его воспитать; и он действительно смог его "социализировать", правда, пробудить в нем высшие духовные способности ему не удалось. Результаты этого опыта были обобщены в небольшой статье, и тем самым он заложил фундамент лечебной педагогики. Его учеником был уже упомянутый выше Сегуин, который в 1846 году вместе с американцем Самуэлем Гридли Хоу не только основал в штате Массачусетс первый дом для слабоумных детей, но и попытался организовать настоящее лечебно-педагогическое движение.*

За несколько лет до этого, в 1836-ом году, произошло следующее: один молодой человек, студент-медик, Ганс Яков Гюггенбюль, прогуливаясь по швейцарским Альпам, в местечке Зеедорф кантона Ури повстречал одного человека, страдающего кретинизмом, который стоял на коленях перед иконой Девы Марии и молился ей.

"Cet aspect emut ta sensibilite en taveur de ces malheureux et fixa ma vocation. Un etre susceptible de concevoir encore la pensee de Dieu est digne de tout soin et de tout sacrifice. Des individus de noire espece, des l'eres abattardi ne sont ils pas plus dignes de notre interet que ces races d'animaux qu'on travaille a perfectionner?"

(Вид этого несчастного неимоверно взволновал и укрепил меня в правильности моего призвания. Быть в состоянии постигать мыслью бога - это ли не стоит всех усилий и жертв. Почему же тогда наши убогие собратья должны представлять для нас интерес лишь в качестве облагороженных работой животных?)

Так это событие описывает сам Гюггенбюль. Один из его биографов говорит, что это переживание было таким сильным, что он дал торжественный обет "посвятить свою жизнь устранению этого бедствия и скорее умереть, чем оставить это поле битвы человечества".

После этого случая Гюггенбюль интенсивно занимается существом кретинизма, при этом он наталкивается на работу великого врача и естествоиспытателя П.В. Трохлера, начинает переписываться с ним, а потом общается и лично. *Затем в 1837-ом году он получает допуск к врачебной деятельности при университете в Берне, и три года спустя публикует свою работу "Воззвание о помощи из Альп для борьбы с ужасным кретинизмом". Еще через год, в 1841, в Абендберге у Интерлакена он открывает интернат для воспитания больных кретинизмом. Здесь для лечения Гюггенбюль пытается заложить методы лечебно-педагогической терапии. Он твердо убежден, что*

- расположение на возвышенности,

- прекрасная питьевая вода

- и специальные установки для отопления послужат основанием для успешной терапии.

Он разрабатывает особые методы обучения письму и счету, пропагандирует идею создания "образцовых деревень" для блага больных, и его огромное стремление приводит к тому, что вскоре в Европе и Америке действительно возникают подобные заведения. Тем не менее, он оказывается слишком занятым для того, чтобы обратить серьезное внимание на интриги соотечественников, и в 1863 году, не достигнув 47 лет, умирает от сердечного заболевания.

Согласно его завещанию, в виде благотворительного акта интернат должен был перейти братству Херренхутеров; община, однако, отклонила легат, и скоро интернат пришлось закрыть. Но дело Гюггенбюля и пример его самопожертвования в лечебно-педагогических начинаниях продолжают жить дальше.

Таким образом, Итард, Сегуин и Гюггенбюль могут рассматриваться в качестве трех основателей лечебной педагогики. Но почему же именно они? Почему, к примеру, не Эммингхауз или Моудсли, которые упоминались выше? Вспомним еще раз Итарда и Гюггенбюля, и нам станет совершенно ясно, где искать ответ. *У обоих в начале их лечебно-педагогической деятельности стоит особое переживание.* Итард встречает "дикаря из Аверона", а Гюггенбюль - молящегося кретина. В этот момент в каждом из них созревает решение помочь, а именно: помочь непосредственным действием. *Это значит, не только изучать и регистрировать, не только исследовать и познавать, а "хотеть добра".*

Но как раз это "хотеть добра" часто и стоит в начале успеха в педагогической или социальной областях. Что делает решение Итарда и Гюггенбюля особенным? Оба оказываются перед особым типом: "человек". Французский врач видит ребенка, который деградировал из-за одиночества и беспризорности. Швейцарский студент-медик обнаруживает в молящемся кретине обезображенное человеческое существо, которое, несмотря на свое уродство, способно высказывать "божественные мысли". И в Итарде, и в Гюггенбюле крепнет воля вернуть изуродованному человеческому образу свой первоначальный, вечный облик. Это не просто импульсивное желание вылечить больного, это - воля присоединить отпавшее к своему источнику.

В этом стремлении действовать я вижу прафеномен пробуждающейся лечебной педагогики. Поскольку *лечебная педагогика, на мой взгляд, состоит не из некоей комбинации двух компонентов - лечения и воспитания, а представляет собой нечто новое, третье.* Когда из натрия и хлора образуется соль, последняя есть нечто большее, нежели сумма двух первых; так и лечебная педагогика - это нечто совершенно новое, некий импульс, который до этого не существовал в человечестве, или существовал не так явно.

Лечебная педагогика - это импульс, направленный на то, чтобы вернуть человеку подобие Божие, которое он потерял в силу обстоятельств, внутренней нужды или заблуждения; то есть, в каждом человеке определенными действиями или обучением можно пробудить способность ходить, говорить и мыслить, поскольку все это является выражением истинного человеческого. Этот импульс жил в Итарде, в Сегуине, в Гюггенбюле. Где, однако, можно найти этот импульс еще?

III. Где выступает лечебно-педагогический импульс?

"В этом убогом крае я наблюдал жалкое состояние крестьянских детей, нанятых общинами; я видел, как подавляющая жесткость корыстолюбия, можно сказать, убивает этих детей как телесно, так и духовно, как многие, без надежды, терпя нужду, вырастают, все же не теряя человечности, не теряя веры в себя, в родину...

Это для меня опыт, позволяющий понять, что из состояния глубочайшего убожества, неразвитости они очень скоро дорастают до ощущения человечества, до чувств доверия и дружелюбия, - опыт, показывающий, что человечность может проявляться и по отношению к самым слабым человеческим душам, что из глаз страдающего, заброшенного ребенка, когда после всех мытарств ему протягивается рука помощи, может излучаться полное чувств изумление".

Это строки, которые 9- го декабря 1775 года в своем письме "Просьба к филантропам и меценатам поддержать предприятие для воспитания бедных детей в одном из поместий и предоставления им работы" пишет Генрих Песталлоци. В этих словах оживает праимпульс лечебной педагогики; и хотя эта попытка остается безуспешной, сам импульс все же налицо. Затем, когда Песталлоци докладывает о своем опыте в Стансе своему другу, он пишет: "Большинство поступивших детей находились в состоянии, которое непременно должно было привести к крайней деградации человеческой природы. Многие так страдали от чесотки, что едва ли могли ходить, у многих были разбиты головы, многие были в лохмотьях, которые кишели паразитами, многие были худы, как обтянутые кожей скелеты; желтые, ухмыляющиеся, с полными страха глазами и морщинистыми от недоверия и заботы лбами, одни бесстыдны, привычны к попрошайничеству, лицемерны, другие забиты, терпеливы, но недоверчивы, холодны и боязливы".

Не описано ли здесь в общих чертах то, что позднее охватило всю Европу в виде бедственного положения детей? В такие состояния привела детей беспризорность, поскольку армии Французской Революции растеклись по Швейцарии. Удивительно, как Песталлоци демонстрирует один постоянно повторяющийся мотив: свою внутреннюю привязанность к Французской Революции и свою мощь как лечебный педагог.

Уже через несколько недель эти дети в Стансе стали похожи на людей. Благодаря чему? В том же письме он говорит: *"Я проводил с ними и день и ночь. Все благо,*

оказавшее влияние на их тела и души, исходило из моих рук. Всякая помощь, всякая поддержка в нужде, всякий совет, которые они получали, исходили непосредственно от меня. Моя рука лежала в их руках, мои глаза смотрели в их глаза. Мои слезы текли вместе с их слезами, и мой смех сопровождал их смех. Они были за пределами мира, за пределами Станса, они были со мной, и я был с ними. Их похлебка была моей пищей, их питье - моим питьем".

Эти слова звучат как Евангелие лечебной педагогики, и они написаны в тот же год, когда лечебно-педагогический импульс пробудился в Итарде. Но в тот же год Наполеон прерывает свою египетскую кампанию и осуществляет в Париже государственный переворот 18 Брюмера (9 ноября). Он становится первым консулом и, вместе с тем, правителем Франции с неограниченными полномочиями. Сироты Станса и их отец, лечебный педагог Песталлоци, снова оказываются в нужде.

Через 66 лет (дважды по 33 года после этого), в декабре 1866- го, в тот же год, когда доктор Лэнгдон Даун написал свою работу по классификации отсталых детей и ввел в научный оборот термин "монголизм", в восточном районе лондонских трущоб происходит следующий разговор. В нем участвуют молодой студент-медик (ему 21 год) и десятилетний мальчик. Занятия, которые этот студент проводит в вечерней школе для бедных (представляющей собой наполовину развалившееся деревянное здание), закончились. Все ученики, кроме одного мальчика, Джима Джарвиса, разошлись по домам. Студент хотел было отправить домой и его, но тот попросил разрешить ему остаться, поскольку у него не было ни отца, ни матери, - также, впрочем, как и дома. Так студент Томас Джон Барнардо взял его к себе, накормил, и в полночь, а это было еще и в декабре, пустился с Джимом в путь. Куда? Джим рассказал ему, что кроме него в Лондоне проводят ночи под открытым небом сотни других детей. Барнардо, который уже четыре года (вначале в Дублине, а потом в Лондоне) пытается проповедовать Евангелие среди самых бедных (он принадлежал к "Пробужденным"), сначала не хотел верить Джиму. Но в ту ночь, в холоде и кошмаре огромного города, он увидел множество детей, одетых в лохмотья и спящих в сараях без одеял.

Барнардо собирался стать миссионером в Китае, но в ту ночь он обнаружил, что его Китай находится здесь, в Лондоне, и он должен помочь этим заброшенным, беспризорным, осиротевшим детям. Он основывает "The East End Juvenile Mission". В марте 1868 года ему удалось открыть первый в Лондоне Дом для беспризорных. Дело Барнардо развивалось на удивление быстро. Открывался дом за домом, сотни бездомных детей получили средства для существования и воспитания, а когда 14 февраля 1873 года перед ними открывались двери огромного зала, использовавшегося ранее как трактир, лорд Шефстбери произнес речь, в которой говорилось примерно следующее: "Без сомнения, церковь сегодня является хорошим делом. Но она лишена наступательного духа, она считает: надо просто построить здание и поставить всех в известность, что здесь может быть обретена религия. Но для того, чтобы вернуть веру массам, этого как раз недостаточно. Мы должны следовать словам Евангелия, которые говорят:

"выходите на улицы города и зовите бедных и калек, хромых и слепых" и: "выходите за ограду, чтобы созвать нуждающихся, чтобы дом мой был полон"".

Дух, овладевший доктором Барнардо, не мог быть описан лучше. Он исполнял свою работу из сознания "королевской свадьбы". *Он искал бедных и калек, бездомных и беспризорных, и пытался вернуть им человеческий облик.*

Когда 19 сентября 1905 года наступила его смерть, он был отцом, учителем и примером для 60 тысяч детей, которым он в различных домах и деревенских поселениях создал условия для нормальной человеческой жизни. Его завещание начиналось следующими словами: "Смерть и могила - узы преходящие; Христос победил их. Я надеюсь умереть так, как я жил; в смиренной, но твердой вере в Иисуса Христа, которому я пытался служить, пусть и недостаточно, и в котором я признаю моего спасителя, моего учителя и моего короля".

В год смерти доктора Барнардо, который как и Гюгенбюль умер из-за болезни сердца, писатель *Яков Вассерман* неутомимо трудится над своей книгой, бросая и начиная сначала до тех пор, пока ему не удастся найти верный стиль и подходящее название: *"Каспар Хаузер или лень сердца"*. Пролог к этой книге звучит так:

"То же Солнце

Улыбается той же Земле;

Из той же слизи и крови

Созданы Бог, Человек и Дитя.

Ничто не осталось, ничто не исчезло,

Всё молодо и старо,

Смерть связана с жизнью".

В 1841 году (в том же году, когда Яков Гюгенбюль учреждает свой интернат в Абендбере) один молодой итальянец завершает свое теологическое образование и посвящается в Турине в католические священники. Сын безземельного крестьянина из Пьемонта, он ровно на год старше Гюгенбюля. В два года он теряет отца, и уже с раннего детства трудится в усадьбе своей матери вместо того, чтобы ходить в школу. Наконец, в 11 лет он уходит из дома, и для того, чтобы, наконец, иметь возможность посещать латинскую школу, работает у крестьян, пасет коз, доит коров. Одновременно, чтоб обеспечить себе существование, он работает у портного, а затем у кондитера. Так, он посещает латинскую школу, затем семинарию и, наконец, посвящается в священники.

Теперь начинается настоящая работа, которую он себе избрал. Он собирает всех

беспризорных детей Турина, попрошаек и воров, бродяг и тунеядцев. Каждое воскресенье встречается с ними в предместье Турина, немного обучает их, но, прежде всего, играет с ними. Он бегают, прыгает и смеется лучше, чем все они вместе взятые. Он становится их признанным руководителем и защитником. За год он собрал 200 детей, и не строгость, а его сила, доброта и одержимость быть всегда вместе с ними сохраняли эту "банду" в единстве. Через два года у него уже 700 детей, продавцов газет, посыльных, тележечников - половина всех бродяг, а может, и все. На него косятся. "Что связывает священника с этим сбродом?" Епископство предпринимает все, чтобы признать его душевнобольным, но Джованни Боско, благодаря своему уму, выскальзывает из этой западни.

Теперь он пытается приобрести для своих детей постоянный дом. После долгих стараний ему это удается, и он создает не только школу, но и, что еще лучше - учебные мастерские; это происходит в 1853 году. После школы и мастерских он начинает строительство церкви, открывает гимназию для малообеспеченных и образует вокруг себя ядро учителей. Он основывает Салезианский Орден, который после его смерти (Дон Боско умирает в 1888 году) распространяется по всей Европе и Южной Америке. Сегодня орден насчитывает около 12 тысяч членов и опекает сотни школ и мастерских. Дон Боско был убежден, что любой ребенок, любой молодой человек по сути своей хорош. Только если социальные условия подавляют это хорошее в нем, он теряет возможность сформировать себя. В его школах никому не было позволено бить детей, подавлять их или наказывать как-то иначе. Профилактика, а не наказание было его воспитательной программой. Учителя должны подавать пример и пробуждать в своих учениках доверие и любовь к добру. Дон Боско стал отцом для сотни тысяч подростков, благодаря ему они стали настоящими людьми. Много лет позднее католическая церковь его канонизировала и возвела в ранг святого. Революционер Песталлоцци, методист Барнардо, католический священник Дон Боско - на Юге, на Севере и в Центральной Европе пробудили импульс лечебной педагогики, оживили и взрастили его. Они не были "официальными" представителями лечебной педагогики, но зато они ее истинно исповедовали.

А теперь посмотрим, куда же шла официальная лечебная педагогика?

IV. Путь лечебной педагогики

Рядом с этими тремя пионерами:

Генрих Песталлоцци (1746- 1827)

Джованни Боско (1815- 1888)

Джон Томас Барнардо (1845- 1905), которые внесли лечебно-педагогический импульс, волю к спасению вечного человеческого образа в социальную жизнь своего

времени и реализовали его, стоят основатели собственно лечебной педагогики:

М. Г. Итард (1775- 1838)

Эммануэль Сегуин (1790?- 1869?)

Ганс Якоб Гюггенбуль (1816- 1863),

трое, оказавшие внимание и помощь так называемым слабоумным и трудновоспитуемым.

Помимо них действовали и многие другие, примерно в то же время охваченные тем же импульсом. Так,

- учитель Готхард Гуггенмоос уже в 1816 году основал интернат для воспитания глухих и больных кретинизмом в Зальцбурге.

- Врач Карл Фридрих Керн в 1853 году в Мокерне - примерный институт для воспитания трудновоспитуемых.

- Фермер Катенкамф, следуя внутреннему импульсу, изучает педагогику, становится учителем для глухонемых и в 1845 году основывает собственное учреждение в Деененхорсте.

Затем пришли, проникнутые лечебно-педагогическим импульсом, священники из протестантских и католических кругов. Так возникли такие каритативные учреждения, как

- в городах Вильдберг (земля Вюртемберг) в 1835 году,

- Штеттен (там же) в 1848 году,

- Экберг 1854, Нюрнберг 1854,

- Альстердорф 1867

- и Бетхель - при Биелефельде 1872.

У истоков каждого из этих учреждений стояли, прежде всего, энтузиазм и самопожертвенность отдельных личностей. Воля "вершить добро" призывает в эти ряды таких мужей, как Пробст, Зенгельманн, Бодельшвинг. В эти пионерские годы лечебно-педагогического движения для всех этих людей речь идет о божественном источнике человеческого существования.

Особого внимания заслуживает тот факт, что многие из этих учреждений имели тогда дело с воспитанием и обучением глухонемых детей, поскольку воспитание

глухонемых исторически образует материнское основание лечебной педагогики. Она вырастает, в первую очередь, как раз из удачных попыток обучить глухонемого ребенка чтению и письму, речи и самовыражению. Эти попытки предпринимаются

- уже в 16- ом столетии (Педро де Понче), - затем этот опыт подхватывается живущим в Голландии швейцарским врачом Аманом и продолжается двумя великими учителями воспитания глухонемых:

- французским священником Шарль Мишелем де ля Эпи - и немцем Самуэлем Хайнике. Оба работали в одно и то же время, при этом

- француз при воспитании глухонемых делал акцент на язык жестов,

- а немец, прежде всего, занимался произношением. Насколько значительными были их заслуги, настолько мало было замечено, что в основании их деятельности, несмотря на использование диаметрально противоположных методик, лежит одно и то же стремление: "Ребенок глух и нем; как, несмотря на это, я могу помочь ему утвердиться как человеку?" Другим вопросом, скорее сугубо лечебно-педагогическим, был бы следующий: "Как преодолеть глухоту саму по себе? Каким образом можно помочь глухому ребенку слышать?"

Здесь я вижу исторический симптом, который для понимания истории лечебного воспитания должен быть рассмотрен со всей ясностью. В период рационализма XVIII столетия человек все больше и больше рассматривался как существо, отпавшее от божественного основания. Он вступает в мир со своими слабостями, уродствами и недугами, и гуманитарные, хотя и рациональные, усилия должны были направлены на то, чтобы ему помочь. Хайнике, как и де ля Эпи - дети этого рационализма. Лишь на рубеже нового столетия человеческая душа захлестывается новой волной "связи с Богом".

- Идет ли речь об английских романтиках, таких как Шелли, Вордсворт, Китс,

- о великих немецких философах, таких как Шеллинг, Гегель, Фихте,

- или романтических поэтах: Новалис, Арним, Брентано,

- или романтических естествоиспытателях: Окен, Трохлер,

- или об Итарде и Гюггенбюле - у всех у них одновременно мы видим нечто новое для их времени, что-то совершенно уникальное.

Перед нами стоит вопрос: почему все это происходит именно в это историческое время, на рубеже XVIII- XIX веков?

Это время, когда Гёте пишет "Годы учения Вильгельма Мейстера"

- свой роман о воспитании, в центре которого стоит Миньона, слабоумная девочка;

- когда Шиллер издает свои письма об "Эстетическом воспитании человека".

Повсюду - в Англии и Германии, России, Польше и Италии - осуществляется новый прорыв к духу. Менее публично пытаются работать в этом направлении Песталлоци и Лафатэр, Оберлин, Юнг Штиллинг.

Это время Наполеона, когда один человек пытается завоевать весь мир, обходится с людьми как с шахматными фигурами, развязывает бессмысленную войну, попирая ногами достоинство отдельного человека. В этот особый исторический момент в Итарде и Песталлоци рождается импульс лечебной педагогики, который подхватывают Сегуин и Гюгенбюль. Дон Боско и Барнардо несут его дальше, хотя последние уже выходят за пределы непосредственно лечебной педагогики и действуют в сфере социального воспитания. Почему это произошло? Потому что примерно с 1835 года начинает развиваться материализм XIX века. Начинают свое победоносное шествие физиология и неврология, психиатрия и хирургия, физика и химия. Романтический идеализм и классический гётеанизм покрываются тучами материалистического атеизма. В 1850 году, с Фехнером, Вундтом, Гельмгольцем, начинает развиваться экспериментальная психология. Выделившееся из материализма, лечение гипнозом вводится в процесс становления психиатрии. Спинной и головной мозг все больше и больше рассматриваются как рефлекторные центры, а весь нервный аппарат изучается как машина рефлексов. Душевные заболевания трактуются как заболевания мозга, а душевные свойства человека - как результат нервных функций.

Затем, на рубеже XX века, появились первые ростки учения о наследственности и психоанализа. Были обнажены основы человеческого существования, и теперь, согласно учению о происхождении видов, его оценка целиком подпадала законам животного-органического. Что же тут еще оставалось для трудновоспитуемого, для невротического и психопатического, для парализованного и эпилептического ребенка?

В начале XX века было введено определение интеллекта. Каждый ребенок, для определения его способностей и возможностей, подвергался специальному тесту.

Между тем повсюду, особенно в Германии и в Швейцарии, возникают вспомогательные школы. О чем это говорит?

Еще раз оглянемся назад. На рубеже XVIII- XIX веков человечество захватывает поток духовной связанности каждого отдельного человека и групп. Произвол Наполеона находился на другой чаше весов, и победу одержали тогда не намерения Наполеона, а тенденции человечности.

Но против них уже собирались силы наступавшего материализма, подавляя расправляющиеся крылья романтического и гётеанистического духовопознания. Пробудившаяся на почве воспитания глухонемых, лечебная педагогика засияла, чтобы затем очень скоро потухнуть.

А.Хомбургер в своей опубликованной в 1925 году работе "Психопатология детского возраста" пишет об этом первом сиянии лечебной педагогики следующее:

"Первый период, период основателей, показывает особо отчетливо, что ни великие таланты, ни значительные практические успехи, ни величайший энтузиазм не способны пронести движение за границы жизни ведущих личностей, если им недостает хозяйственной смекалки, если они не являются людьми практической жизни, если государство и церковь, то есть публичные попечители воспитания, встречают их без доброжелательства или понимания. Когда педагогическое вдохновение выдохлось, учителя сами превратились в нищих, - это педагоги, на которых каждый мог позволить себе взглянуть свысока и которые в публичной жизни не имели никакого веса".

В этом характерная особенность ситуации, в которой находилась лечебная педагогика в середине XIX столетия. Лечебно-педагогический энтузиазм выдохся, но не по той причине, что эти первые личности не были "людьми практической жизни", а потому, что "против небольшой кучки лечебных педагогов выступили три гиганта: церковь, государство и наука.

- Церковь, как из хороших, так и из плохих побуждений, все же одолела первых лечебных педагогов, так что, в конце концов, оставшиеся учреждения стали либо полностью католическими, либо полностью протестантскими. Миссионерские и благотворительные настроения заполнили эти дома и заведения. Но вместе с этим лечебная педагогика как импульс погибает. Побеждает "Каритас".

- Наука, психиатрия и неврология претендуют на лечебную педагогику как на свою область исследований, и, начиная с 60-ых годов прошлого столетия, лечебно-педагогические заведения оказываются под контролем психиатрии.

- Государство все больше и больше претендует на вмешательство в вопросы воспитания и благотворительности. Керн и Штёцнер требуют учредить (1879) государственные вспомогательные школы. В продолжение следующих десятилетий социальное обеспечение все в большей и большей степени становится государственным и централизованно управляемым. Вначале появляются спецклассы, а затем, в отдельных городах, целые спецшколы (Дрезден - 1867, Эльберфельд - 1879, Лейпциг - 1881, Дортмунд - 1883, Аахен, Дюссельдорф, Кассель, Любек - 1888, Бремен, Альтона, Франфурт-на-Майне - 1889 и т. д.).

Со всем этим, однако, истинный лечебно-педагогический импульс был уничтожен. Я хотел бы, чтобы меня здесь поняли правильно. Я не хочу сказать, что в каритативных церковных заведениях, государственных вспомогательных школах и

в лечебно-педагогических отделениях домов для сумасшедших не делалось ничего хорошего. Там было достаточно самоотверженных людей, которые помогали, изучали и проявляли заботу о своих подопечных. Была осуществлена помощь в воспитании и развитии многим тысячам учеников вспомогательных школ; но сама лечебная педагогика была повержена под тройственным натиском. Эти особые, избранные, стигматизированные дети стали добычей трех сил, выделенных материалистической эпохой. Но где же прорывается родник истинной лечебной педагогики снова?

Описание этого периода не может быть законченным без упоминания одной фигуры, которая подобно нагорному преображению - как знак и симптом, - является для того, чтобы озарить первое пробуждение для лечебной педагогики.

В Троицын понедельник 1828 года в Нюрнберге неожиданно, словно из под земли, появляется один молодой человек. Он едва ли владеет речью, выглядит как нищий; его ноги, стиснутые тяжелыми сапогами, все в крови. Никто, в том числе и он сам, не знает, откуда он. Он просто здесь. Поначалу его запикивают в полицейскую тюрьму, но затем его передают для воспитания педагогу Фридриху Даумеру.

Благородный и знаменитый Ансельм Риттер фон Фойербих принимает его и пишет о нем книгу: "Каспар Хаузер, пример преступления против душевной жизни человека". В ней он описывает необычайную судьбу и особые свойства Каспара Хаузера, прослеживая корни его происхождения, ведущие к королевскому двору, и, тем самым, к окружению Наполеона.

Несколько раз необычного человека пытаются убить и, наконец, 14- го декабря 1833 года неизвестный преступник пронзает ножом его сердце в дворцовом саду Ансбаха. Через три дня он умирает. На его надгробном камне высечены следующие слова:

НІС ІАСЕТ	ЗДЕСЬ ПОГРЕБЕН
CASPARCJS HAUSER	КАСПАР ХАУЗЕР
AENIGMA	ЗАГАДКА
SGI TEMPORIS	СВОЕГО ВРЕМЕНИ
IGNOTA NATIVITATIS	ПРОИСХОЖДЕНИЕ - НЕИЗВЕСТНО
OCCILTA MORS	СМЕРТЬ - ТАИНСТВЕННА

Молодой человек неизвестного происхождения, без надежды найти себя в обычной земной жизни, нищий, поначалу способный усваивать лишь хлеб и воду, но при этом в состоянии умирять животных и пробуждать в людях, которых он встречал на своем пути, добро, был воспитан, приспособлен к жизни и, в конце концов,

убит.

"Смерть связана с жизнью,

Образ становится символом".

Не вступает ли в жизнь, подобно Каспару Хаузеру, каждый так называемый трудновоспитуемый, отсталый ребенок? Бедный, неизвестный, загадочный, и в то же время дарящий благословение всюду, где ему встречаются открытые сердца. Это "дитя Европы", как назвали вскоре Каспара Хаузера, наравне с "дикарем из Аверона" стоит у истоков лечебной педагогики.

Дебаты о Каспаре Хаузере, о его происхождении и миссии продолжаются до нашего времени. Представители церкви, государства и науки боролись против него тем же способом, что и против истинной лечебной педагогики; накрывая синим плащом Каритас, серым флагом государства и черной завесой науки. И все же память об этом человеческом существе продолжает жить в сердцах тех, кто еще пытается бороться с "преступлением против душевной жизни человека".

Хотя Наполеон в 1812- 1813 годах был свергнут и заточен, рожденный им воинственно- тиранический импульс в ходе XIX столетия все же победил. Земной шар был технизирован, человечество - пролетаризировано, человеческие души - материализованы.

С Каспаром Хаузером, гётеанизмом и романтическим идеализмом истинная лечебная педагогика должна была уйти в катакомбы.

Но источники остались непобежденными; им предстояло быть снова найденными и открытыми, и это произошло.

V. Рудольф Штайнер был привлечен для совета

В 1923 году в одном из немногих возникших на основании личной инициативы лечебно-педагогических заведений работали два юных лечебных педагога: Франц Лёффер и Зигфрид Пикерт. Благодаря судьбоносным обстоятельствам, их свела вместе духовная наука Рудольфа Штайнера. Франц Лёффер говорит об этом: "Мы целиком находились в своей профессии лечебного педагога, но не могли соединить с ней то, что жило в нас благодаря Антропософии. Наше стремление к познанию человека и мира должно было осуществляться вне нашей профессиональной деятельности... Благодаря близости совместной жизни с душевнобольными детьми, мы ежедневно оказывались перед необходимостью решения, которое не могло появиться ни из личных отношений к детям, ни из осознания самой болезни. Тут мы чувствовали пустоту. Как мы можем помочь? Этот вопрос терзал нас в продолжении каждого двенадцати- четырнадцати часового дня нашей совместной

жизни с детьми, нуждающимися в уходе за душой".

С этим вопросом - который, надо отметить, ставили не врачи, а учителя - эти два молодых человека, вместе с третьим, Альбрехтом Штрошайном, отправились к Рудольфу Штайнеру. Встреча состоялась под новый, 1923 год. Пикерт пишет об этом: "В личном разговоре нам удалось рассказать Рудольфу Штайнеру о своей работе и задать наши вопросы... После чего пришли ответы не только на все то, что мы спрашивали, но и относительно многого другого, что оставалось в наших душах не высказанным... Он говорил о том, что такие "отклоняющиеся от нормы" дети, со своим "я" и "астральным телом" инкарнированы не полностью, и уже сейчас, особенно во время сна, заняты формированием своей будущей земной жизни; говорил и о том, как лечебный педагог должен удерживать это понимание в своем сознании, как он посредством упражнений души может помочь этим детям осуществлять то, что они не достигли в теперешнем воплощении.

Рудольф Штайнер говорил: "Когда я вхожу во вспомогательный класс в Штуттгарте, я всегда знаю, что здесь работают для следующей земной жизни, независимо от того, что будет достигнуто в этой, и достигнуто может быть довольно много... согласно моим исследованиям, почти каждый гений прошел в одной из своих прошлых жизнях такой опыт". И в немногих предложениях на нас излился целый поток практических советов для формирования речи (Sprachgestaltung), эвритмии, письма, чтения, упражнений на сноровку, вплоть до медикаментозной помощи - практические действия, целиком направленные на то, чтобы реальное духовное начало в человеке сознательно и с любовью подвести к возможности овладения телесностью".

В тот момент, когда я читаю эти строки, я ощущаю, что источники лечебной педагогики открываются снова. Поскольку здесь существо этих детей раскрывается заново из самого духовного познания. В качестве основы деятельности лечебного педагога закладывается знание о факте повторных земных жизней, о Карме и реинкарнации.

Рудольф Штайнер отнесся к этому короткому разговору очень серьезно. Трое молодых людей скоро находят один дом в городе Йена, "Лауенштайн", который они без какой-либо финансовой поддержки, просто из решимости "сделать доброе", превращают в первый "Дом для детей, нуждающихся в душевном уходе" (название, которое предложил Рудольф Штайнер). 18 июня 1924 года Рудольф Штайнер посещает этот дом, дает советы и указания, и с 25 июня по 7 июля проводит там "Лечебно - педагогический курс". В двенадцати докладах он дает духовно - научные основания лечебной педагогики. В них, на примере поразительных, потрясающих познаний относительно конкретных детей, он описывает основные детские типы, нуждающихся в душевном уходе. Он знакомит с их телесно - душевно - духовной структурой и дает множество конкретных указаний для терапии и практической лечебно-педагогической работы.

Но этот курс содержит намного большее; почти в каждом докладе он касается

внутренней позиции лечебного педагога по отношению к ребенку и, таким образом, дает возможность в дальнейшем руководствоваться не "мертвой буквой", а самому развить непрерывное лечебно-педагогическое действие из осмысленной, духовно конкретной лечебно-педагогической ситуации. *Лечебный педагог должен стать человеком искусства, действующим исходя из духовного знания. Поэтому в своем 10-ом докладе Рудольф Штайнер призывает: "Станьте же танцорами!" - в смысле Заратустры: "Живите с внутренней радостью истины. Ведь, нет ничего более восхитительного, чем переживание истины".*

В этих докладах содержится целый "катехизис будущего лечебного педагога", в духовном познании которого, как в огромном здании грядущей лечебной педагогики, объединены лечебно-педагогическая практика и медицинское действие.

С совершенно новой точки зрения рассматриваются здесь различные "нуждающиеся в душевном уходе" состояния ребенка и молодого человека. Так, например, различные конвульсионные состояния, собранные под общим названием "эпилепсии", разделены на две группы: те, что сопровождаются, и те, что не сопровождаются моральными отклонениями. Каждая из этих групп описывается по отдельности и даются необходимые указания для их лечения.

Область детской истерии представлена в качестве слишком сильного процесса инкарнации и, тем самым, впервые объяснена с принципиально новой точки зрения. Благодаря этому эпилепсия раскрывается как явление, обращенное к рождению, а истерия - как процесс, спешащий навстречу смерти.

Рудольф Штайнер подробно говорит о феномене навязчивых идей и навязчивых действий, он описывает область клептомании и прогрессивного слабоумия. Имеются высказывания о проблемах "правой и левой сторон", альбиносов, детских неврозов. И во всех этих описаниях отчетливо проявляется необычайное "знание о человеке", которое позволяет из верного диагноза сразу же вывести необходимый вид терапии.

Здесь церковный Каритас заменяется познающей любовью к высшему человеку в каждом ребенке, нуждающемся в душевном уходе.

Медицинско-физиологическо-психиатрическое знание заменено помощью, исходящей из знания о человеке как о микрокосмосе в макрокосмосе.

Государственная служба лечебного воспитателя заменена ежедневно осуществляемым лечебным педагогом воспитанием самого себя.

После этого курса Рудольф Штайнер включил предмет лечебной педагогики в медицинскую секцию свободного высшего учебного заведения для духовной науки, тем самым отдав ее в руки тогдашней ее руководительницы, доктора Иты Вегман. Она всегда оставалась верным служителем лечебной педагогики,

познавшей культурные следствия и социальные цели этой работы и во многом способствовавшей их росту.

Это ей мы обязаны тому, что сегодня в Швейцарии и Германии, в Голландии, Англии и Шотландии, в Швеции и Исландии на основании инициативы отдельных людей возникло множество лечебно-педагогических институтов, которые пытаются по-новому, из родника Антропософии, оживить лечебную педагогику. В этих институтах оказывается помощь примерно тысячи детям, нуждающимся в душевном, уходе.

Существо Каспара Хаузера, которое благодаря сердечной черствости окружающих его людей было обречено на гибель, снова воскресло в лечебно-педагогическом курсе Рудольфа Штайнера, спустя почти трижды по 33 года с момента его первого появления.

С тех пор, как был прочитан этот курс, больше не стыдно быть рожденным калеккой или идиотом, слабоумным или эпилептиком. Поскольку в каждом из них - такие же дух и душа, как и в любом другом; нет никакой разницы в рангах, а лишь различие ступеней способности к инкарнации.

То, что Лессинг интуитивно, и потому расплывчато, выразил в своей работе "Воспитание человеческого рода", стало теперь реальным познанием сердца. Эту главу можно завершить последними тремя параграфами его работы:

"98. Почему я не могу возвращаться снова, как только я обрету новые познания, новые способности? Не уношу ли я за один раз так много, что стоит приложить усилия для того, чтоб возвратиться снова?"

99. Потому нет? Или потому, что я забыл, что я уже здесь был? И хорошо, что забыл! Память о моих прошлых состояниях лишь мешала бы мне в настоящем. И то, что я должен забыть сейчас, забуду ли я навечно?"

100. Или потому, что мною потеряно так много времени? Потеряно? Что же я упустил? Не принадлежит ли мне Вечность?"

VI. Эпилог

Многие удивляются, почему Гёте в романе "Годы учения Вильгельма Мейстера" выделил образу Миньоны такую выдающуюся позицию, почему именно Миньону он считает истинной героиней этого романа.

Написание "Годов учения" приходится на один из важных периодов жизни Гёте; он начинает роман в апреле 1794, и заканчивает его 26 июня 1796 года. Это была полная переработка "Театрального призвания Вильгельма Мейстера". Но на это

время приходится и встреча Гёте с Шиллером (июль 1794), и дружба с ним. Написание "Сказки" выпадает также на решающие годы существования Гёте, когда образ Миньоны буквально жил в его душе.

Миньона - это ребенок, нуждающийся в душевном уходе. Своим рождением и благодаря обстоятельствам она становится загадкой для всех, кто с ней встречался. Это человек, полный любви, содержащий в себе источник сердечной и жертвенной силы, но неспособный утвердить себя в жизни. Но благодаря тому, как Гёте вводит этот образ в роман, как он проводит Миньону через все перипетии, позволяет ей умереть и быть похороненной, благодаря тому, как у мраморного саркофага маркиз узнает в ней свою племянницу и этим снимает пелену с прошлого аббата, Гёте оказывается одним из первых в Европе, кто предпринимает попытку проникнуть в тайну реинкарнации и Кармы.

Как Гретхен для Фауста, так и Миньона для Вильгельма является образом вечной женственности, который становится для него гидом и защитником в духовных мирах. Хотя Миньона в романе - всего лишь бедный, странный, отсталый ребенок, в духовном пространстве - это вечное существо. Аббат говорит у ее гроба: "Мы мало чем можем помянуть дитя, которое погребаем сейчас. Родителей ее мы не знаем, а годы ее жизни можем определить лишь наугад. Столь глубоко и замкнуто было сердце бедняжки, что нам дано только догадываться об ее сокровенных чувствованиях; все в ней было облечено туманом, все лишено ясности, кроме любви к человеку, который вырвал ее из рук жестокого варвара".

Через 33 года после того, как Гёте написал эти строки, в Нюрнберге появляется Каспар Хаузер. О нем также можно было сказать немного: происхождение его неизвестно, о его внутреннем мире можно было только догадываться. И он также выказывал глубочайшую любовь к тем, кто пытался ему помочь: это Ансельм фон Фойербих, действительно помогавший ему, и лорд Станхоуп, который намеревался это сделать.

Однажды в разговоре с канцлером Мюллером Гёте признался: ради нее, ради самой Миньоны, и был, собственно, написан весь роман. И это было действительно так. Особо отчетливо это выступает там, где Миньона в первый раз появляется в женском платье. Когда она облачается в ангельское одеяние и вступает в круг прочих участниц театрального действия, происходит следующий диалог:

"- Ты ангел? - спросил один ребенок.

- Я бы хотела им быть, - отвечала Миньона.

- Почему ты держишь лилию?

- Будь мое сердце так же чисто и открыто, я была бы счастлива.

- А откуда у тебя крылья? Дай-ка взглянуть!

- Они покаместь заменяют другие, более прекрасные, еще не расправленные крылья".

Здесь Миньона говорит о своей приближающейся смерти и о том, что должно случиться после нее - то, что теперь, при жизни, исполниться еще не может. Поэтому этот ребенок является здесь символом всех детей, нуждающихся в душевном уходе. Тот, кто с ними работает и действительно хочет помочь, должен знать об их высшей сущности. И только эта высшая сущность сможет дать им просветление и силу здесь и сейчас осуществлять то, что должно осуществиться лишь позднее.

Поэтому и Рудольф Штайнер говорит во втором докладе своего лечебно-педагогического курса: "Вдумайтесь в это однажды, это необходимо осознать, что, воспитывая неполноценного ребенка, мы вмешиваемся в то, что при естественном ходе, без вмешательства или при неправильном вмешательстве происходит только тогда, когда ребенок проходит врата смерти и рождается снова, то есть, глубоко затрагиваем Карму. При каждом правильно проводимом контакте с неполноценным ребенком происходит вмешательство в Карму, что, разумеется, и должно происходить".

Шиллер был глубоко затронут образом Миньоны. 1 июля 1796 года он пишет Гёте: "Все, что Вы предприняли с Миньонкой, живущей и умершей, необычайно хорошо! В своем обособленном образе, таинственном бытии, чистоте и безвинности она представляет как раз ту возрастную ступень, на которой стоит - это может вызвать совершенное уныние и истинную человеческую печаль, поскольку в ней явлено ни что иное, как человечество".

То, что Миньона в своей чистоте и трогательности представляет собой ни что иное, "как человечество", - это потрясающее переживание. С ней, пробужденной в душе Гёте как центральная фигура романа "Годы учения Вильгельма Мейстера", одновременно рождается идеальная фигура, праобраз ребенка, нуждающегося в душевном уходе. В эту сферу Гёте также привнес новое духопознание. Он увидел истинный образ отсталого ребенка.

Поэтому, когда Миньону просят снять свой ангельский костюм, она поет, пытаясь этому воспрепятствовать:

"Так оставьте меня, пока я расту;

Не снимайте с меня белое платье!

Прочь от прекрасной Земли я спешу
Вниз, в тот прочный дом.

Там отдохну я немного в тиши;
Затем я увижу все новыми глазами,
Я оставлю тогда свое облачение,
Свой пояс и свой венец.

И тамошние небесные существа
Не спросят меня, мужчина ты или женщина,
И просветленное тело
Не стеснят более ни платья, ни складки.

И, хоть живу я без забот и усилий,
Глубокую боль я чувствую в достатке.
От скорби я старею быстро,
Сделайте меня вечно юной!"

Этот стон, этот призыв: "Сделайте меня вечно юной!" - выражение каждого ребенка, нуждающегося в душевном уходе. Слышать его - задача лечебной педагогики. Ее цель - помочь образовать упомянутое просветленное тело в каждом ребенке здесь на Земле, чтобы смогло состояться добро.